

НОЧНЫЕ КОНЦЕРТЫ

Едва сгустились сумерки, мы слышали странные звуки. Резкие, пронзительные, они напоминали кошачье мяуканье. "Мяу! Мяу! Мяу!" – раздавалось в вечерней тишине.

В темноте любые звуки приобретают таинственность. Лежа в палатке, пока не сморил сон, слух невольно улавливал всё, что происходило вокруг. Вот кто-то резко плеснул в воде – зверь или рыба? Сорвавшийся камешек, со стуком отскакивая от скалы, шмякнулся в песок на берегу. Порывом ветра донесло тревожное рычанье тюленей.

И вот это "кошачье" мяуканье. Оно всколыхнуло воображение. Кому могли принадлежать голоса? Кошек на этом северном необитаемом острове, конечно же, нет. Песцам? Их голоса напоминают тьяканье. Птицам? Вероятнее всего. Но каким?

Днём мы обследовали ближайшие скалы – ничего примечательного. А по вечерам окрестности вновь оглашались звуками неизвестных существ. Сначала раздавался один голос, ему вторил другой, подключался третий. Возникла своеобразная переключка: "Мяу-мяу! Мяу-мяу!" И вдруг в этот хор вплетались совсем уж необычные звуки – туру-туру-туру-руруру! И воцарялась тишина. словно кто-то подключившись, ставил на необычном инструменте заключительный аккорд в концерте. Небольшая пауза – и все начиналось сызнава.

– Шабаш ведьм, – в шутку заметил студент-практикант, бывший в составе экспедиции.

Нас всерьёз заинтересовали таинственные ночные голоса.

Мы вылезли из палатки, пытаясь определить, откуда льются звуки. Они исходили сверху, от вершин, укутанных туманом. Но откуда именно, понять было трудно.

Летом северные острова подолгу прикрывают туманы. Срок нашей командировки подходил к концу. Надежда установить, кому принадлежат голоса, таяла.

Но однажды нам повезло.

Вечером я возвращался с фотосъемки тюленьих лежбищ. Тропа вела мимо высокой обрывистой скалы, подступавшей почти к берегу моря. Уже показалась палатка и желтое пятно костра, когда пронзительный крик "мяу!" заставил остановиться.

Очевидно, шорох гальки под ногами встревожил птицу, и она подала сигнал опасности.

Несколько минут стоял я в ожидании новых сигналов, но их не было. Длинная пауза заронила сомнение: с этой ли скалы прозвучал голос? И вдруг вспыхнула мысль: а что, если путем имитации голоса попытаться заставить птицу откликнуться. В далеком детстве мы таким образом вносили смятение в сон деревенских петухов и те, перепутав время, начинали побудку среди ночи, а не ранним утром, как обычно.

У подножья скалы я начал подражать птице. И в то же мгновение услышал ответ. Несколько минут мы "переговаривались" с незнакомкой. В нашу переключку включились и другие ее сородичи. "Вот она, скала, на которой живут птицы", – радостно забило сердце. Но какие?

Отныне, как только надвигались сумерки, мы устанавливали наблюдение за скалой. Словно по расписанию, часов около одиннадцати вечера, когда сгущались сумерки, птицы начинали свой концерт. "Мяу-мяу! Мяу-мяу-мяу!" – звучал хор голосов. И затем это таинственное – туру-туру-туру-руруру!

Где-то глубоко в памяти у меня жило это необычное сочетание звуков. Несколько дней оно не выходило из головы. "Туру-туру-туру..." "Туруторка!" – вдруг вырвалось у меня. Туруторка – так жители Командорских островов алеуты называют малую конюгу.

Мы бросились к справочникам. На основании определителей птиц, словно Шерлок Холмсы, составили "портрет" незнакомки. "Малая конюга, величиной почти со скворца, похожа на большую конюгу. Черная, с белыми глазами, светловатым брюшком, красным носом и перышками, торчащими на голове. Гнездится в трещинах и под камнями на труднодоступных отвесных скалах. Кладка происходит в июне, состоит из одного белого яйца. На воде держится стайками. Ночью очень шумлива..."

Да, нашими соседями наверняка были малые конюги. Но вывод, сделанный на основании одних лишь голосов, требовал визуального подтверждения. Попросту говоря, птицу нужно было увидеть. Но попробуй, разгляди её ночью. Да ещё в тумане, который так часто укутывает скалы.

Мы стали "охотиться" за обитателями скалы. И вскоре нам улыбнулось счастье.

Однажды мы коротали вечер у костра, когда совсем рядом раздалось мяуканье. Мы стали приглядываться к скалам. Новый крик помог обнаружить таинственную соседку. В лунном свете ярко выделялись ее белые глаза. Птица сидела в нише скалы, торчащей у берега.

Мы включили фонарик, и его яркий луч высветил ночную странницу. С головы над клювом птицы свисал причудливый хохолок из перьев. Время от времени она вскрикивала и ей отзывались голоса с вершины высокой скалы. Сомнений не было – это малая конюга! Она находилась всего метрах в восьми от нас. Но путь к скале преграждала неширокая полоска воды.

– А что если поймать конюгу? – подал кто-то мысль.

Мы вспомнили древний способ охоты алеутов чиручем – длинным шестом с сеткой. Резкий взмах "сачком" навстречу низко летящей птице – и та оказывалась в ячеистой западне. Умело снимали островитяне и птиц с крутых скал, ловко накрывая их сеткой.

На берегу валялось много выброшенных обрывков рыбацких сетей и бамбуковые палки. Сооружение чируча оказалось делом несложным. Через несколько минут у нас был длинный шест с сеткой.

– Лодку на воду! Только осторожно, чтобы не спугнуть птицу! – тихо прозвучала команда.

Мы выглядели азартными охотниками. Один из нас с берега направлял на птицу луч фонарика, ослепляя ее. Двое других, упираясь веслами о дно, осторожно проталкивали лодку к скале. Вот она все ближе и ближе. Мы хорошо видим птицу, она то и дело поворачивает голову с пышным хохолком, но, ослепленная светом луча, не может сдвинуться с места. Медленно поднимаем бамбуковый шест с сеткой. Но лодка на волнах качается и это лишает твердой опоры тела. В такт лодке маятником качается в руках чируч. Наконец, выбираем момент, подводим "сачок" и... накрываем птицу. Конюга под сеткой!

Но тут волны накренили лодку, сетка чуть сдвинулась в сторону и птица у выступа камней выскользнула из-под сетки. Охота закончилась неудачей. Но мы были довольны, что лицом к лицу встретились с малой конюгой.

А через несколько дней неожиданно произошла новая встреча.

С птичьего базара мы возвращались берегом моря в лагерь.

Расплавленной медью растекалась по воде солнечная дорожка. В ее свете четким силуэтом выделялась какая-то птичка на небольшом камне у берега.

Мы стали медленно подходить, чтобы сфотографировать ее. Птица на удивление близко подпустила к себе. По всем признакам это была малая конюга. Но почему без хохолка на голове? Вела она себя на редкость странно: не только не реагировала на приближение человека, но и позволила без сопротивления взять себя в руки. Выглядела она вялой.

Мы принесли её в лагерь. До вечера она была нашей гостьей. А когда стусились сумерки и малые конюги затараторили одна за другой, мы выпустили пленницу и она скрылась среди скал.

– Наверняка это была молодая неопытная птица, да к тому же, не исключено, что и больная, – объяснил ученый-биолог Сергей Владимирович Мараков, когда мы рассказали ему о странном поведении конюжки.

– А почему у нее не было хохолка над головой?

– У молодых птиц не бывает хохолка, да и у взрослых к осени они становятся реже, а то и совсем исчезают. Только весной в брачный период у них появляются модные прически.

Сергей Владимирович рассказал, что малые конюги очень привязаны к своим квартирам. Единожды выбрав удобное место в скале, они поселяются здесь надолго, а то и навсегда.

– Как-то на острове Медном я решил проверить знакомое гнездовье малых конюг, – рассказал он. – Забрался по каменистым ступеням на скалу, засунул руку в нишу и вытащил птицу. Почти двадцать лет спустя конюжка сидела в гнезде на том же месте!

Через несколько дней мы сменили место стоянки – так требовали интересы экспедиции. В первый же вечер, сидя у костра, мы вдруг ощутили какую-то пустоту. Окутавшая тишина была непривычной. Мы поняли: нам не хватало "ночных концертов" малых конюг, которые вошли в нашу жизнь на острове и делали ее разнообразнее, полнокровнее.